

Шульгатый Денис Игоревич. Родился 2 января 1981 г. в Краснодаре. В 2004 г. закончил исторический факультет КубГУ (дипломная работа «Силы зла в системе славянской мифологии»). Работал журналистом в еженедельнике «Краснодар», газете «Краснодарские известия». С 2008 г. – специальный корреспондент «Новой газеты Кубани». Является редким для Кубани знатоком творчества Г.Ф. Лавкрафта. Неоднократно становился победителем интернет-конкурса на сайте «Хайборийский мир» на лучшее произведение в жанре фэнтези (фанфики по Конану-варвару). В 2010-2012 гг. второй замредактора первого в России журнала мистики и хоррора «Сумрачный гений». В 2011 г. вышла первая книга Шульгатого «Остров понтарха». Несмотря на свой недюжинный талант, категорически отказывается принимать участие в заседаниях Сообщества Араху и исследованиях по арахауистике. На все предложения отвечает лаконично: «Мне похуй ваш Араху и ваша арахауистика». Поэтому редакция «Асы» решила номинировать Дениса на конкурс «Антилицо Араху-2011». Кстати сказать, впервые «антилицу» посвящен весь номер журнала, чтобы хоть как-то знания номинанта послужили общему доброду делу.

asa

ALOEJASSA • ЖУРНАЛ «ЗНАНИЕ»

AJDBOAGAUCUHYGHARKAGURK

«Рыжечка и сороконогий Къыркабан»

www.arahau.ucoz.ru

#11

шкура корнями да червями земляными увита, вместо носа пяточок, клыки кабаньи до носа завиваются, веки длинные до земли свисают.

Тут одна ведьма кинжал выхватила, младенцу сердце пробила, в плоску костяную собрала и давай на чудовище брызгать. За ней и остальные принялись резать. Къыркабан рычит, головой мотаает, веки болтаются – вот-вот откроются. Тут ведьмы, что Рыжечку принесли, обратно перекинулись и повели ее к чудовищу. Обуры на нее кровью младенцев брызгают, славу Хозяину выкрикивают. Подвели ее к Къыркабану, на колени опуститься заставили. Тут перед ней – прыг волчица черная, с перьями на ногах – и тут же ведьмой старой обернулась. Одна обур ей нож в руку вложила, остальные кричат:

– Иштым, Иштым, вырви сердце Халимат, подари Сорокононому.

Только обур нож занесла – Рыжечка слово тайное сказала и перекинулась в свое настоящее обличье. Обур так и ахнула, а ведьма руки к луне вскинула и трижды прокричала:

– Халта-Хырса! Халта-Хырса! Халта-Хырса!

И тут же чувствует – в груди у нее запекло, заболело и паук наружу выскочил – прямо на лицо Иштым. Та замертво упала, изо рта пена потекла, а вслед за ней – много мелких желтых паучков выбежало. Тут же они расти принялись, пока не вымахали с собаку. Обуры врассыпную – кто совой взлетел, кто зверем в лес кинулся, ну а кто не успел – того Сары-Гыбы растерзали. Другие пауки на Къыркабана кинулись – тот зарычал, заметался, да и провалился сквозь землю. Тут Рыжечка поняла, что и ей пора – прыгнула в Уллукам, рыбой обернулась.

Уллукам ниже в Кубань впадал, так ведьма и плыла по нему до Баталпашинской. Там на берег вышла, невидимкой прикинулась, стала слушать, что люди говорят. Мор прошел, кто болел – вдруг выздоровел, а вся нечисть разом сгинула, как будто и не было ничего. Ушел Сороконогий Къркабан, а с ним и вся порча, все беда убралась.

Так и вернулась Рыжечка с победой к сестрам – ведьмам. Те тоже даром времени не теряли – сняли заклятие с Лусине, обернули ее вновь красавицей-армянкой. К родным возвращаться не стала – нашли ей мужа в Екатеринодаре, сына армянского купца, а Лусине потом деньгами ведьмам помогала, да и сама у Рыжечки училась понемногу.

А на следующий год война с турком началась и с черкесами. Русские и Карачай заняли, и турка разбили, из Анапы с Сухум-Кале вышибли. Тогда и ушли турки с Кавказа.

asa
#11

AJDBOAGAUCUHYGHARKAGURK

«Рыжечка и сороконогий Къыркабан»

Kereibr (Автор идеи)

Iharo Ahanero (Иван Карасев)

Kvavafabr (Главный редактор)

Ihor Ahiniro (Игорь Васильев)

Küzau (Верстка)

Iharo Ahanero (Иван Карасев)

Kvarfaz (Литературный редактор)

Aha Ahanehoro (Анна Мамаенко)

На обложке: рисунки: из анимэ «Принцесса Мононоке» (Хаяо Миядзаки).

Редакция контролирует соблюдение авторских прав.

Перепечатка материалов только с официального разрешения редакции.

E-mail: rbardalzo@yandex.ru

Электронная версия журнала: www.arahau.ucoz.ru

Журнал издается на пожертвования Сообщества Араху.

Печать цифровая.

Тираж ограниченный

г. Краснодар, январь, 2013, #11

От редакции

Денис Шульгатый - первый и пока единственный в своем роде на Кубани писатель. Человек, глубоко укоренённый как в кубанской, как и в мировой культурной традиции. Традиции с большой буквы. Традиции народных сказаний и этнографических штудий. И в то же время Традиции безудержного полёта сознания. Или точнее – подсознания.

Проза Дениса заставляет вспомнить безыскусные побрехеньки станичных старожилов. И сочинения таких мастеров мистической прозы, как Эдгар Алан По, Говард Филипс Лавкрафт, Роберт Говард.

Денис продолжает традиции этих великих мастеров. И он доделывает то, что не смогли сделать такие мастера кубанской и адыгейской прозы, как В.И. Лихоносов, И. Машбаш. Шульгатый продолжает их, одновременно отменяя. Он творит свой собственный мир. Фантасмагорический и не похожий больше ни на что. В гротескных прозаических коллажах Дениса сталкиваются лбами эпохи и тысячелетия. Обезумевшие носители древнейших культур с ужасом и страстью внимают самому глубинному и потаённому в своих душах. И рассказывают об этом нам. Современникам Дениса Шульгатого.

И вся фантасмагория пронизано одним. Безудержной любовью к родной Кубани.

...Однажды мне довелось побывать в родовом гнезде старинного казачьего рода Шульгатых – станице Новодеревянковской. Старые домики терялись в бескрайних камышах. За которые медленно сползало закатное солнце. С дороги в болото сползал и потрескавшийся асфальт. Остаток безвозвратно ушедшей эпохи. И тысячелетние плавни медленно всасывали его в свою пасть. Из глубины болота донёсся могучий протяжный вдох. От него явственно повеяло мощью мёртвых и тоской глубин. На минуту я замер. А потом заспешил обратно...

Игорь Васильев.

– Ложись спать, – говорит, – а я рядом примощусь. Глаза обурам отведу так, что они меня за тебя примут, а тебя и вовсе не приметят.

Послушалась Халимат – легла на кровать, одеялом прикрылась. Рыжечка рядом с княжной легла, та к ней прижалась, словно защиты прося. Рыжечка ее успокаивает, по голове гладит – так карачаевка и заснула. А ведьма лежит, ждет.

За окном полная луна взошла, и тут – кошка черная в окно – прыг! А ведь тут до земли – пять человек можно друг на друга поставить, и то мало будет. Рыжечка и удивиться не успела, как вместо кошки на окне уже старуха сидит голая. Кожа дряблая, кости торчат, нос крючком и волосья седые развеваются. Сидит, ухмыляется, глазами в два зрачка зыркает.

– Пойдем, – кричит, – княжна, заждались тебя уж.

С окна спрыгнула, к очагу подошла, золу из очага выгребла, вымазалась ею с головы да пят. И приговаривает при этом:

– Как мазь эта к коже пристаёт, так пусть и княжна ко мне прилепится, привяжется. Куда я – туда и она пойдет, никуда не свернет. Чух гауаса, гуса сахашо.

Сказала – и выпрыгнула в окно. Ведьма подошла – а там уже сов десять летает, ухают.

– Прыгай, – кричат, – прыгай, Халимат. Не бойся, не разобьешься.

Послушалась Рыжечка, прыгнула – совы тут же ей в плечи – руки когтями вцепились, понесли над землей. Вот уж и крепости внизу пропали, горы пошли, туманами и облаками заволоченные. Между скал бурлит река Уллукам, пенится, меж отрогов бросается. Все выше и выше ведьмы поднимаются – вот влетели в долину на берегу Уллукама. На большой поляне костер горит, а вокруг него скачут буры. В руках плачущих младенцев держат, перекидывают друг другу. Не поймешь – вроде и бабы страшные, растрепанные, а одежду скинет, на речном песке повалается – вскочит рысью иль волчицей, или совой взлетит. Так быстро перекидываются, что и не уследишь – тулово человечье, а голова звериная, иль наоборот. Хохочут, пляшут, не то поют, не то воют на луну:

Къыркъ аякълы Къыркъабан,

Къутун алыучан – сан салыучан

Обур эшген – Къыркабан!

И смрад трупный отовсюду разит. А перед костром сам Къыркабан на сорока кабаньих копытах стоит. Высотой с дуб,

Вот тут и появился у крепости княжеской святой странник, босоногий, худой да бойкий. От аула к аулу ходил, больных исцелял, злых духов прогонял, именем Аллаха всех благословлял. Крым-Шамхал к нему гонцов посылать не стал, сам вышел, пешком, как простолюдник, челом бил.

– Спаси, – grit, – дочку, святой человек, все, что хочешь, отдам.

– За святое дело меня Аллах наградит, не ты, – отвечал шейх, – пойдем, покажешь дочку.

Князь странника в крепость вводит, на самое почетное место садит. Халимат выходит – черноброва, черноока, стройна как тростинка. Чан с водой выносит, гостю почетному ноги омывает. Смотрит, а кожа у старца молодая, нежная, как у отрока или девицы. Халимат сказать что-то хотела – дервиш на нее глянул, глазом моргнул – молодым, задорным. Так княжна и смолчала. А тут уж и угощение подоспело. Князь думал, что святой человек много есть не будет, вынес чашу с мамалыгой да вторую с черносливом. Гость головой покачал и сказал.

– Думал я, что пришел в гости к князю, а оказалось – к пастуху безродному.

Крым-Шамхал вознегодовал, кликнул слуг. Те собрали такой стол, что и султана турецкого не зазорно было бы угостить. Странник все умял, посмотрел на князя и сказал.

– Сегодня к твоей дочери снова обур придут, чтобы увести ее на Хыйны-Тала, а там и погубить совсем. Коль не хочешь такой участи для княжны – позволь мне сегодня на ночь у нее остаться в комнате, а сам к двери до утра не подходи.

Ахнула Халимат, алым румянцем залилась – где это видано, чтобы чужой мужчина у незамужней девушки в спальне ночевал. Нахмурился и Крым-Шамхал, но кивнул все же. Известно ведь – эфенди свят как ангел, от грехов людских он избавлен.

Вот так и вошли они вдвоем в покои девичьи – шейх и красавица Халимат. Только дверь захлопнулась, шейх три раза вокруг себя повернулся, сказал что-то – и обернулся рыжей ведьмой. Халимат закричать хотела – Рыжечка метнулась к ней, рот ладонью прикрыла.

– Тихо, дуреха, – grit, – на меня одну у тебя надежда. У меня с обурами вашими свои счета. Тебя я не трону, если тихо сидеть будешь, а там глядишь и не достанешься Сороконогому.

Княжна слушает, только глазами хлопает, а потом села на кровать, голову опустила и как заревет. При эфенди еще держалась, виду не показывала, а рядом с такой же девкой как бы и не так совестно. Рыжечка рядом с Халимат уселась, по голове ее гладит, утешает.

Денис Шульгатый

Рыжечка и Сороконогий Къыркабан

С турком тогда много воевали. Казалось и мир подписан на века, ан, глядь – новая война. А если и сами турки не воюют, то черкесов да татар горских науськивают, подбивают их жечь станицы казачьи. Сильно злобился султан, что русские у него Кубань да Крым отобрали, вот-вот и Кавказ отберут. Много царь вдоль реки крепостей да острогов понаставил, много казаки станиц основали – не прорваться налетчикам. Да пришла беда такая, что и лихость казачья не помогла.

В ту пору на Кубани часто лихоманки лютовали, много народу перемучили. А той весной – словно сам черт разом спустил с цепи всех сестер – лихорадок. По станицам и крепостям люди как мухи мерли. А здоровым людям блазниться начало всякое. То на колокольне нечисть мерещится, да такая, о которой и самые старые старики раньше не рассказывали. То в лесу вдруг явится охотникам великан, густой шерстью поросший, а из груди – словно топор костяной торчит. В Баталпашинской восемь баб кликушами заорали, в Прочном Окопе – за два дня десять человек пропало неведомо куда, в Невинномысской атаман станичный как слег с утра, так и встать не мог – паралич его разбил.

Ясно стало – кто-то ворожит, порчу на казаков да солдат царских пускает. Думали на ведьм – известно ведь, у бисовых девок роду – племени нет, окромя нечисти лесной да болотной, им дай только потешиться над крещеным людом.

Да тут нагрянула беда в Воровсколесскую. Откуда не возьмись стали летать над нею птицы черные, невиданные. Три дня над станицей кружили – к кому на крышу хаты опустится, у того наутро кто-то в семье да сляжет, а то и преставится. А на четвертый день птицы исчезли, а в Воровсколесскую ворвались черкесы. Еле отбились тогда. Тут уж стало понятно – своя нечисть какая-то помогает басурманам. Пытались изгнать ее, как крещеному человеку и подобает – попы молебны служили, святой водой все кропили – не дается проклятая и все тут, только еще свирепей лютует. А меж тем напасть уже до Усть-Лабинской крепости докатилась, половина гарнизона слегла, вторая половина еле держится. Вот тут и стало ясно – если не прекратится это все, некому линию будет охранять, ринутся из-за Кубани черкесы да турки, все на своем пути сметут.

Круг казачий в Екатеринодаре собирался, много о чем тогда говорили казаки. А потом атаман оседлал коня, да и поскакал с

батюшкой войсковым к морю Азовскому. В камышах, в плавнях нашел он хату злой бабы Голояды. До утра о чем-то с ней шептался, а на следующую ночь по всей земле Войска Черноморского в небе хохот да вой стоял. Слетались ворожейки к верховной ведьме своей совет держать.

Рыжечка там тоже была – с тех пор как из черкесских земель вернулась, ни одно собрание ведьмовское без нее не обходилось, ни один шабаш. Только не праздник на сей раз был – думали ведьмы, что за напасть на них идет. Рыжечка в сторонке стояла – чай недавно тут появилась, знай сверчок свой шесток. А ведьмы все слетались – кто на метле, кто на козле черном или змие огненном, кто птицей или зверем прискочит. Разные – и девки молодые, и бабы спелые, и старухи дряхлые, с усами и зубами в два ряда. Кто в опрятной одежде, кто в лохмотьях, а кто и голый совсем. Собрались вокруг ведьминой хаты – как вороны слетелись, слушают, что Голояда гуторит

– Удды черкесские после смерти Ногучицы так быстро бы не оправились, – Голояда грит. – Это кто-то другой ворожит. Кто из вас сказать может, откуда эта напасть взялась?

– Уж кто это хваткий такой, не знаю, – грит Лучия-босорканя, – а откуда, сказать могу.

Не только запорожцы вступали тогда в войско Черноморское – были там и волохи, и ляхи, и сербы с болгарамии. Так и появились на Кубани вместе с ведьмами киевскими да полесскими, карпатские босорки, волошские стригойки, болгарские вештицы. Кто-то за собой родовое проклятие привез, у кого мать чародейством грешила, да его дочке и передалось, кто и сам колдуном был. Так и пан Олесь, шляхтич мелкий из-под Львову, подался в казачество, да забыл сказать, что из Польши его, вместе с женой-угринкой за чародейство прогнали. Воевал с турком храбро, стал атаманом станичным. Шесть дочерей родилось у него, да все от лихоманки сгорели, седьмая выжила, хотя мать от родов померла. Поговаривали, что душа матери-ведьмы в Лучию и вселилась. После смерти отца могли и прибить, но пожалели сироту. Вот и выросла – ведьма сильная, да злая.

– От истоков Кубани все идет, – продолжала босорка. – Прошлой ночью моя вторая душа второй бабочкой летала вверх по Кубани. Только до Прочного Окопа долетела – на полпути на меня кинулись совы большие, в каждом глазе по два зрачка – птичий да человеческий. Еле ушла от них. Летели они с востока, чуть ли не от самой Эльбрус – горы.

– Ну, так подскажи, как такому помешать, – грит Рыжечка, – хочешь ведь Къыркабана вашего в дураках оставить.

– Думаю, и вправду, – сможешь ты туда пробиться. Знаю я, на кого обуры глаз положили – на Халимат, дочку Крым-Шамхала, князя карачаевского. Поспеешь к ней раньше них – глядишь, и выгорит дело. А чтобы совсем без защиты не быть – прими-ка от меня подарок.

Халта-Хырса ладонь перед собой выставила, подула на нее, и на ней, неведомо откуда, появился паук-крестовик. Ведьма его бросила, да так, что он за пазуху Рыжечке и закатился. Та только дернуться успела – паук у нее меж титек забился, да и сгинул. Только чувствует Рыжечка, как у нее в груди что-то ноет – давит, словно под кожей скребется. Тут же паутина с нее спала, в тумане растаяла. А желтые пауки по норам забились.

– Попадешь на Хыйны-Тала – грит Паучья Ведьма, – как почувешь, что время пришло – три раза имя мое выкрикнешь, а потом беги, если сможешь.

Рассказала напоследок Халта-Хырса Рыжечке, где крепость Крым-Шамхала искать, да и расстались на том. Пошла ведьма опять на восток. Горы все выше, леса в долинах все ели да сосны, а на вершинах гор и вовсе деревьев нет уже, только и есть, что снег да лед.

А как увидела Рыжечка Эльбрус, великую гору – поняла, что совсем близко уж.

Неприступен в ту пору был Карачай. Среди скал его укрывались все закубанские хищники, абреки и люди беззаконные, приюта и в собственных обществах не знавшие, под страхом смерти от своих пребывавшие.

Горд и смел был Крым-Шамхал, сильнейший из князей карачаевских. В крепости каменной жил, на вершине гор. Много овец да коз, да коней держал, шерстью торговал, много денег скопил. Сыновья – джигиты, все как один, за Кубань много раз в набег ходили. Дочь Халимат – красавица, умница – за такую не стыдно любому князю посвататься. Да только недавно беда с ней какая-то приключилась: ночью сны плохие сниться стали, по углам тени шуршат, на крыше кошек видят черных, каких в этих местах никогда не видали. Ночью с гор крики, мяв, вой доносится, а поутру княжна встает чуть жива – бледная, синяки под глазами. Сама ест все меньше, чахнет, будто усыхает на глазах.

Тут и пошел слух по Карачаю – слгазили ее, заморозили обуры. Крым-Шамхал и к муллам обращался, и к знахарям – все без толку.

отходят, оттуда глаза плятятся, шуршит кто-то. Туман со стен все больше сползает, не видно не зги. Страшно ведьме, а делать нечего, идет.

И тут раз – словно в сеть рыбачью угодила. Дернулась назад – еще больше запуталась, нити клейкие всю облепили. Глядит Рыжечка – страх-то какой! Тянутся к ней из тумана лапы – длинные, когтистые, щетиной желтой поросшие. А за ними выходит чудовище. Вроде до пояса девка – краса неопишная, и станом тонка и кожей бела. Глаза синие как море, волосы – чистое золото. А ниже пояса – тулово, как у паука, только побольше иного быка будет. А позади – еще пауки желтые ползут, со здорового кобеля каждый.

– Много мух в мою паутину попались, – чудовище говорит, – но такой молоденькой, да пригожей давно не было. Ты, хорошая моя, не бойся, не будет больно. Я тебя в лобик поцелую, ты и уснешь – даже не почувствуешь, как детки мои из тебя все соки выпьют, кожу да кости оставят. А душа твоя в пауке возродится.

Тут и туман расступился, смотрит ведьма – вокруг нее везде паутина, а в ней что-то полощется, словно рубаха на ветру. Пригляделась – а то кожа пустая на скелетах болтается.

– Ну что, урыс девка – грит чудовище, – сказать что хочешь на прощанье?

– Скажу, что негоже тебе, Паучья Княгиня, малым довольствоваться, когда большое само в руки идет. Меня заесть – дело нехитрое, а вот врагу исконному глаз на клык натянуть – задачка потруднее будет.

– О чем ты? – спрашивает Халта – Хырса.

Ну, Рыжечка все как на духу выложила Паучьей Ведьме. Та сидит, брови хмурит.

– От века враждую я с Сороконогим Къыркабаном, – говорит она, – и с хозяином его Эрк-Джыланом, от веку сражаются мои слуги – желтые пауки с обурами, но сильные чары хранят место их сборищ от Сары-гыбы и нет нам туда хода.

Призадумалась Халта-Хырса.

– Через два дня соберутся обуры на Хыйны-Тала, колдовской поляне. Там в жертву Къыркабану принесут кровь и души младенцев. Каждый месяц его так кормить надо, чтобы он под землю не ушел – тяжело ему даже свет луны и звезд видеть. А чтобы сильней была порча, чтобы выморить урысов и казаков под корень – нужна им молодая девица знатного рода, в жертву Сороконожному.

– Нужно кого-то туда в теле отправить, – сказала Голояда, – узнаем хоть что за напасть. Пойдешь, Лучия?

– Уволь, матушка, – отвечает босорканя, – уж не знаю, кто теми совами обернулся, да только не под силу они мне были. Чую я – за ними сила грозная, сильнее удд черкесских. Не совладать нам с нею.

– А на кой они черт нам, Голояда, – еще одна ведьма грит, – иль казаки да солдаты нам друзьями стали. Мало что ли нам они крови попортили с их попами? Помрут, да и шут с ними, нам спокойней будет.

– Не будет, Умила – Голояда отвечает, – коль хлынут сюда черкесы, они с нами цацкаться не будут. У них вон удды есть, да и Вий знает, еще кто – вроде тех, кто порчу эту напустил. Надо узнать, кто это, надо. Кто вверх по Кубани пойдет?

Шепчутся ведьмы, переглядываются, а никто так и не решается. Решили жребий тянуть. Мешок из гадючьих шкур сшитый принесли, да и кинули туда тридцать три боба, по числу ведьм. Тридцать два боба черных и один белый. Стали ведьмы тянуть жребий из мешка и боб белый Рыжечке достался.

Делать нечего – собралась молодая ведьма в дорогу. Следующей ночью, как последнее напутствие от Голояды получила, вышла на берег Кубани, три раза вокруг себя повернулась, слово тайное сказала и в реку ужом нырнула. Плывет ночью, утром на берег выходит – оглядеться. Так и проплыла мимо Екатеринодара, Усть-Лабинской, Кавказской. У Прочного Окопа не удержалась Рыжечка, из реки выползла, да в бабочку ночную перекинулась. Полетела в крепость – а там уж издали видно – по стенам бродят вразвалку мохнатые да рогатые, внутрь запрыгивают, ухают, хохочут. Солдаты их не видят, на посту стоят – исхудавшие, желтые, винтовку в руках еле держат. Половина гарнизона в лазарете лежит, на кладбище гарнизонном с десятков свежих крестов появилось.

Тут видит Рыжечка – с юга летит кто-то. Глядь, а там совы, о которых босорка рассказывала, а с ними что-то и вовсе непонятное – волчица по небу скачет, а на ногах – перья птички. Рыжечка недолго думая из крепости вон кинулась, до Кубани долетела, да в воду жабой скакнула. Через реку переплыла на другой берег, перекинулась волчицей. Бежит по лесу, принохивается. Вдруг слышит – стук копыт вдалеке. Затаилась в кустах, прислушивается. Видит – едет по тропке джигит черкесский на коне вороном. Рыжечка из кустов к нему кинулась, конь на дыбы встал, волчица ему в горло и

вцепилась, опрокинула. Черкес за пистоль хватился. Вдруг из кустов вторая волчица выпрыгнула, вмиг басурманина загрызла. Замерли волчицы над трупом, зубы скалят, рычат. Обе похожи: ростом невелики, худые да верткие, только у ведьмы шерсть рыжиной отликает, а у супротивницы черный волос пробивается. Тут она и говорит человеческим голосом

– А ты ведь тоже не просто зверь лесной. Ссорится нам нечего – тут мяса обеим хватит и еще останется.

Опешила Рыжечка, но быстро смекнула, что к чему. Много какой нечисти в ту пору по земле ходило и не с каждой враждовать стоило, коль уж она дружбу предлагает. Кивнула молча. Быстро обе волчицы кониной и человечиной наелись.

– Светает уж – говорит тут оборотень Рыжечке, – скоро мне волчью шкуру скидывать придется. Тут у меня землянка неподалеку, пойдем туда. Там и расскажешь – кто такая и чего здесь ищешь.

Согласилась Рыжечка. Пробрались они меж холмов и оврагов в самую глушь, где под старым дубом убежище было, от абрека какого – то осталось. Едва внутрь залезли – тут и рассвело. Ведьма тут волчью шкуру сбросила, глянь – а волчица тоже девкой обернулась, не старше самой Рыжечки. Сама худая, смуглая, лицо узкое, зато волосья густые, длинные, чуть ли не до пяток спадают. И глаза – большие, черные и смотрят по-волчьи.

– Ну, давай знакомится, – крик, – я Лусине, из хатукайских эрмелов. Родители меня выдать замуж за черкесского князя хотели, да мне он не по нраву пришелся. Ума нет, зато гонору хоть отбавляй, руки стал распускать. Кровь у меня буйная – взыграла как-то, я его ночью и зарезала. За то отец и мать меня проклинали, из аула выгнали в леса, в горы. Иду я, вижу – с небес сыплется что-то белое как снег, пахнет вкусно и на вид как крупа. Не удержалась, попробовала – тут волчья шкура на плечи и прыгнула. Стала я мардагайлом, женщиной – волком. Семь лет мне бегать по лесам и горам, звериным житьем жить. Три года пробегала, четыре осталось. Вот о себе рассказала, теперь ты о себе поведай.

Рыжечка скрывать ничего не стала, все как на духу рассказала. Лусине сидит, головой кивает да брови хмурит. А как ведьма замолчала, так и говорит.

– Знаю я, кто на вас напасть эту наслал – обурь, ведьмы карачаевские. Раньше-то они тут нечасто шастали, а как удды ослабели, так и зачастили, на речном песке валяются, волками да лисицами перекидываются. Подслушала я как-то, о чем они

между собой говорят. Турки им заплатили, чтобы они порчу эту навели – вот обурь и воззвали к Эрк-Джылану, всякого зла владыке, чтобы тот поднял из-под земли свое отродье – Сороконогую Къыркабана. У чудовища веки до самой земли опущены, только Эрк-Джылан их и может поднять, если обурь ему жертвы богатые принесет. А как Къыркабан глаза откроет, так и идет от него порча, на кого колдун укажет.

– Можно ли одолеть его как-то? – Рыжечка спрашивает.

– Колдовством Къыркабана все ваши ведьмы одолеть не смогут. Но слышала я, что враждует с ним Халта-Хырса, Паучья Княгиня. Если не побоишься встретиться с Хырсой, если слуги ее тебя сразу не съедят – кто знает, может и договоритесь.

– Скажешь, может, – Рыжечка крик, – как найти эту Халту – Хырсу?

– Далеко в горах, в туманных ущельях властвует она над племенем Сары-гыбы – огромных пауков. К самым истокам Урупа иди, а там еще день пути на юг, к горе Диц.

Рыжечка Лусине отблагодарила – прядь волос из головы выдернула, вокруг пальца оборотня обвязала, слово тайное прошептала.

– Переберешься за Кубань, покажешь эту прядь Голояде, верховной ведьме кубанской, расскажешь, как все было. Глядишь, и сумеют с тебя проклятье снять раньше срока.

На том и расстались – мардагайл в норе своей осталась, ночи дожидаться, а Рыжечка сорокой обернулась и на юг полетела, к горе Диц.

То птицей летит ведьма, то волчицей рыщет, то рыбой по горным рекам плывет. Холмы вокруг уже давно в горы превратились, лес все гуще и страшнее становится. Поначалу черкесских аулов тут много попадались, а потом и они пропали. Знать близко уже Диц - проклятая гора, коей черкесы с турками пуще Собер-Баша боялись. Горы высоченные, ущелья темные, туманом заволоченные. Летит ведьма мышью летучей, вдруг чувствует – догоняет ее кто-то. Оборачивается, а там – мышь не мышь, сова не сова, только глаза огромные и в них зрачка два. Мигом почуяла Рыжечка, что не по силам ей с убуром схватиться – вниз кинулась в ущелье, да человеческий облик приняла. Видит – чудище сверху кружит, а вниз не спускается, будто боится чего.

Делать нечего Рыжечке – пошла она вниз по ущелью. Под ногами у нее ручеек бежит, а меж камней кости да черепа валяются, звериные да человечески. По бокам в ущелье норы